

Публикации аспирантов

УДК 821.161.1: 82.09

Клюкина А.В.

Литературный институт имени А.М. Горького (г. Москва)

ТВОРЧЕСТВО В. Г. БЕНЕДИКТОВА В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В.Г. БЕЛИНСКОГО

A. Klyukina

Maxim Gorky Literary Institute

THE POETRY OF V. BENEDIKTOV IN THE CONTEXT OF THE LITERARY-CRITICAL CONCEPTION OF V. BELINSKY

Аннотация. Статья посвящена выявлению и систематизации основных противоречий лирики В.Г. Бенедиктова по отношению к критическим взглядам В.Г. Белинского и принципам «натуральной школы». Исследование проведено в русле сравнительно-исторического и типологического методов. На материале рецензий критика на основные издания стихотворений «неистового романтика» рассмотрены представления Белинского о «мысли» в поэзии, значении творческой фантазии и «народности» в литературе. Полемика проанализирована с учётом неоднозначности литературной репутации Бенедиктова и его популярности в середине 1830-х—начале 1840-х годов.

Ключевые слова: «неистовый романтизм», литературно-эстетическая полемика, литературная репутация, «мысль» в поэзии, критерии художественности, содержание и форма в литературном произведении, национальное чувство в литературе.

Abstract. The article deals with the identification and systematization of the main contradictions between the poetry of V. Benediktov and critical views of V. Belinsky according to principles of the «natural school». The study is in line with the comparative-historical and typological methods. The ideas of Belinsky about the thought in the poetry, the role of creative fantasy and the national spirit in literature is considered on the material of the critic's reviews on the main publications of Benediktov's works. This discussion was analyzed in the context of complicated literary reputation of Benediktov and his popularity from the mid 1830s till the beginning of the 1840s.

Key words: «frenzied Romanticism», literary and aesthetic debate, literary reputation, «thought» in poetry, criteria of artistry, content and form in the creative work, national spirit in literature.

В.Г. Белинский — критик, чьи идеи и суждения не только были определяющими при формировании литературного вкуса читателей начиная с 1830-х годов, но и во многом повлияли даже на современные представления о произведениях русской классической литературы. В свою очередь воззрения Белинского пережили непростой период становления и внутреннюю эволюцию, хотя и не всегда вполне очевидную.

© Клюкина А.В., 2013.

Одним из примеров подобного явления можно считать высказывания критика о поэзии «неистового романтика» В.Г. Бенедиктова, бывшего, по свидетельству младших современников, в 1830-е годы даже популярнее А.С. Пушкина. Как известно, именно негативные оценки Белинского способствовали утверждению литературной репутации Бенедиктова как «калифа на час» и творца «поэтических игрушек». Не случайно в 1856 году Н.Г. Чернышевский назвал первую книгу Бенедиктова (1835) «главной бедою его, из которой произошли все последующие неприятности» [11, с. 15-16]. Вместе с тем нельзя не отметить, что Белинский в определённом смысле способствовал популярности Бенедиктова, откликаясь на каждое издание стихотворений поэта (статьи 1835, 1836, 1838, 1842 годов). При этом в рецензиях критика нашло отражение не только мнение о «несвоевременном» поэте-романтике, но и широкий круг литературно-эстетических и философских вопросов.

Так, статья о первой книге молодого поэта «Стихотворения Владимира Бенедиктова», появившаяся в 1835 году на страницах журнала «Телескоп», уже была частью заметной литературной полемики середины 1830-х годов о принципах нового искусства и «новой литературной реальности» [4, с. 82]. Прежде всего, Белинский останавливается на современном определении сущности литературы и критики. Можно сказать, что именно в выступлениях В.Г. Белинского, равно как и в работах Н.И. Надеждина, русская литературная критика достигла «самодостаточного статуса» как «своеобразная форма литературного самосознания», обладающая особым инструментарием и связанная с определёнными философско-эстетическими принципами, присущими конкретной культурной эпохе [8, с. 10-11]. «Что такое критика? – размышляет Белинский, – оценка художественного произведения. При каких условиях возможна эта оценка, или, лучше сказать, на каких законах должна она основываться? <...> В деле изящного суждение тогда только может

быть правильно, когда ум и чувство находятся в совершенной гармонии <...> тонкое поэтическое чувство, глубокая приемлемость впечатлений изящного – вот что должно составлять первое условие способности к критицизму, вот посредством чего с первого взгляда можно отличать поддельное вдохновение от истинного, риторические вычурности от выражения чувства, галантерейную работу форм от дыхания эстетической жизни...» [1, т. I, с. 355-357]. В приведённой цитате выражено, по сути, и представление Белинского о критериях художественности в словесном творчестве, и мнение об анализируемой книге Бенедиктова. Так, необходимые условия художественности были определены Белинским ещё в статье «Литературные мечтания». От подлинного произведения словесности требовались искренность, естественность и простота: «...искусство есть выражение великой идеи вселенной в её бесконечно разнообразных явлениях! <...> Век фразеологии для нас проходит; по нашим понятиям, фраза должна прибираться для выражения мысли или чувства; прежде мысль и чувство приискивались для звонкой фразы» [1, т. I, с. 34, 58]. По замечанию Г.Ю. Карпенко, «Белинским “художественное” понималось-переживалось как семантико-онтологическое состояние, обретение-восстановление которого “в себе” помогает преодолеть разрыв в непрерывности Откровения, сохранить духовный опыт в веках» [3, с. 288]. В этой связи «цветистая» бенедиктовская фраза воспринималась критиком не только как один из главных стилистических недостатков произведений молодого стихотворца, но и как символ устаревшего понимания роли и назначения поэзии. Поздний, «так называемый романтизм» утрачивал актуальность и становился «старой новостью» в изменившихся социально-исторических условиях [1, т. I, с. 68]. Для Белинского настоящая поэзия была выражением «народного духа», что и определяло наличие «мысли» в произведении: «Кажется, в наше время никто не должен сомневаться в том, что в ис-

тинно художественном произведении не может быть погрешностей и недостатков, как думают школяры и люди посредственные» [1, т. I, с. 360].

С этим связан и упрек критика в отсутствии у Бенедиктова фантазии как движущей силы творчества: «В стихотворениях г. Бенедиктова всё не досказано, всё неполно, всё поверхностно, и это не потому, чтобы его талант ещё не созрел; но потому, что он, очень хорошо понимая и чувствуя поэзию воспеваемых им предметов, не имеет этой силы фантазии, посредством которой всякое чувство высказывается полно и верно» [1, т. I, с. 369]. На подтверждение данного высказывания направлены и многочисленные цитаты из стихотворений поэта, причём подобранные также в соответствии с «неисто-во-романтической» логикой.

Как пишет А.М. Штейнгольд, Белинский использует «романтический способ “аккордного” воздействия на читателя <...> Сразу уловив отсутствие выверенной художественно-композиционной логики в поэзии Бенедиктова, Белинский концентрирует витиевато-алогичную метафорику поэта и обрушивает её шквал на читателя, лишая его возможности ощутить отдельные стихотворения» [13, с. 267]. Приводя не только отдельные выразительные словосочетания, но и обширные стихотворные цитаты, Белинский решается на своеобразный стилистический эксперимент – переложение в прозу стихотворений, «обращённых в натяжку» ради обличения «затейливых мыслей, риторической шумихи и набора общих мест» [1, т. I, с. 360-361]. Главное, что в данном случае пытается доказать критик, – необходимость ясности и точности выражения, отделяющих плоды «работы», «деланности», от «творчества». С этой точки зрения показательным появившееся впоследствии сравнение лирики В.Г. Бенедиктова с сочинениями А.В. Кольцова. Писательским достоинством последнего признавались «неподдельная народность», «возвышенность взгляда» и «разгул юного чувства», благодаря которым стихотворцу

прощалось и некоторое незнание грамматических норм русского языка [1, т. I, с. 388, 389]. Бенедиктову, напротив, ставились в вину «беспрестанная невыдержанность мысли, стиха, самого языка, которые обнаруживают отсутствие чувства, фантазии, а следовательно, и поэзии» [1, т. I, с. 360].

Примечательно, что «кольцовский критерий» [4, с. 84, 92] стал впоследствии «зеркалом», отразившим бенедиктовские «вычуры» и сделавшим стихотворца-романтика своеобразным эстетическим жупелом, на которого обрушился весь вал критики и недовольства на фоне усиливающихся реалистических тенденций и растущей популярности представителей «натуральной школы».

В частности, предпочтение кольцовскому творческому методу Белинский отдал и в обзорной статье «Ничто о ничем, или отчёт г. издателю “Телескопа” за последнее полугодие (1835) русской литературы», назвав произведения А.В. Кольцова «приятным явлением нашей бедной литературы» [1, т. II, с. 50].

«Феномен Бенедиктова» [13, с. 264] оказался главным аргументом и в полемике Белинского со С.П. Шевырёвым о «поэзии мысли»: «Где-то было сказано, что в стихотворениях г. Бенедиктова владевает мысль: мы этого не видим <...> Обращаюсь к мысли. Я решительно нигде не нахожу её у г. Бенедиктова. Что такое мысль в поэзии? <...> Это не рассуждение, не описание, не силлогизм – это восторг, радость, грусть, тоска, отчаяние, вопль!» [1, т. I, с. 360, 363, 365]. Как видно из данного утверждения, эстетическая ценность произведения для Белинского определялась главным образом эмоциональной насыщенностью текста, сочетающейся при этом с поэтической «грацией». По сути, это требование было обусловлено особенностями критической позиции Белинского как таковой и оформлением в ней идеи поэтического содержания. Немаловажным в этом контексте является изложенное в статье разграничение чувства и чувственности как «телесного ощущения, но только произведённого мыслию» (курсив автора. – А. К.) и

«материальным предметом» соответственно [1, т. I, с. 363]. Таким образом, причисляемая к проявлениям чувственности, лирика Бенедиктова становилась иллюстрацией «неблагопристойности» и «отсутствия всякого вкуса» [1, т. I, с. 367]. Именно в этом выводе, сделанном Белинским, с предельной ясностью отразились его противоречия с С.П. Шевырёвым, видевшим в стихотворениях Бенедиктова «внутреннее чувство <...> грусти неземной в нашей поэзии, <...> глубокий след мысли <...>, нераздельно слитой с поэтическим образом» и «могучее нравственное чувство добра, слитое с чувством целомудрия» [12, с. 455]. Однако стоит отметить, что полярные оценки критиков сначала оказывали весьма незначительное влияние на общее одобрительное и приветственное отношение читателей к первой книге нового поэта. С точки зрения рецензента, пусть и недолговечная, популярность Бенедиктова и его эстетические взгляды представляли очевидную угрозу для умов читателей 1830-х годов. Это тем более примечательно, что одной из принципиальных особенностей идущей от «любомудров» концепции «мысли» в поэзии была «противопоказанность» тщательной отделки, «поскольку одно другому противоречит» [10, с. 113].

По наблюдению А.С. Курилова, «Белинский понимал: вопрос о том, что и как (курсив автора. — А. К.) должны выражать наши писатели, имел принципиальное значение для определения пути, которым русская литература пойдёт к своей самобытности, оригинальности, самостоятельности» [4, с. 85]. По этой причине «эпигонство» Бенедиктова как в сфере стиля и языка, так и при выборе тем и образов порождали своеобразный «бунт» критика: «Я слишком хорошо знаю наш литературный мир, наши литературные отношения, и потому почти каждая новая книга возбуждает во мне такие думы и ведёт к таким размышлениям, какие она не во всех возбуждает <...> Стихотворения г. Бенедиктова не принадлежат к числу этих дюжинных и бездарных произведений, которыми те-

перь особенно наводняется наша литература; напротив, в этой печальной пустоте они обращают на себя невольное внимание и с первого взгляда легко могут показаться чем-то совершенно выходящим из круга обыкновенных явлений. Но это-то самое и заставляет рецензента, отложив в сторону пошлые оговорки и околичности, прямо и резко высказать о них своё мнение» [1, т. I, с. 359, 360].

В борьбе за эстетические и мировоззренческие ориентиры современников критик верно угадал в Бенедиктове одного из лидеров нового направления в словесности, ложного и упадочного в перспективе. Рассматриваемая рецензия Белинского была направлена на развенчание «абстрактной философичности “поэзии мысли”, её пустоты за внешними атрибутами» [9, с. 38]. Такая трактовка вполне закономерна в контексте собственного развития взглядов критика. Определяя задачу литературы как «выражение внутренней жизни народа» [1, т. I, с. 29], Белинский в то же время находился под влиянием шеллингианской идеалистической концепции человеческого познания и настаивал на единстве чувства и мысли, олицетворявшем для него подлинную творческую индивидуальность [14, р. 293].

Следовательно, в статье 1835 года Белинским не только был сформирован стереотип восприятия лирики В.Г. Бенедиктова, но и в целом намечены основополагающие общетеоретические принципы критики, развитые и углублённые в дальнейшем.

В частности, в отклике на второе издание произведений Бенедиктова (1836) Белинский переходит от «феноменологического» рассмотрения бенедиктовской лирики к широкому её сопоставлению с произведениями А.С. Пушкина, В.А. Жуковского и А.И. Потеяева. Критик обращается к двум главным задачам критики – дидактической и прогностической – и указывает на ещё одну «слабость» поэтической личности Бенедиктова – недостаточное упрямство. «Нам приятно видеть, – замечает Белинский, – что г. Бенедиктов обратил внимание на наши советы и

воспользовался ими, хотя и поздно; но это делает честь его характеру как человека, а не как поэта: по нашему мнению, поэт должен быть упрям и стоек, будучи уверен, что каждый его стих есть плод вдохновения, которое никогда не обманывается, которое всегда творит верно» [1, т. II, с. 209]. Впоследствии Бенедиктов ответил на обвинения Белинского своеобразным поэтическим манифестом – стихотворением «Поэту»: «Когда тебе твой путь твоим указан Богом – / Упорно шествуй вдаль и неуклонен будь! / Пусть критик твой твердит в суде своём убогом, / Что это ложный путь...» [2, с. 413]

Можно сказать, что «ключом» к пониманию «феномена Бенедиктова» в статьях Белинского является представление критика о соотношении в художественном произведении содержания и формы: «...перечтите ещё раз, взгляните попристальнее в то, что вам показалось поэзией, и “ничто” и не бывало: форма остаётся отделенною от духа, а духа нет, потому что нет таинственного слития между ними. Одновременность идеи и формы, – продолжает Белинский, – есть основной закон акта творчества; но у г. Бенедиктова – так по крайней мере кажется нам – идея всегда предшествует форме, которая у него приделывается к идее» [1, т. II, с. 422]. В данном случае вновь актуализируется проблема поэтического содержания (сущности) и выражения (формы), получая в размышлениях Белинского уже фундаментальное теоретическое обоснование, хотя суждения о необходимости единства этих категорий были высказаны ещё в «Литературных мечтаниях». При рассмотрении лирики Бенедиктова Белинский специально обращает внимание на несоответствие содержания форме, что, в конечном итоге, и должно привести читателя к более полному осознанию кажимости дарования популярного стихотворца.

Примечательно, что, размышляя о роли Бенедиктова в воспитании литературного вкуса у читателя, Белинский в 1842 году писал: «О достоинстве и значении поэзии г. Бенедиктова спор уже кончен; самые почи-

татели его согласятся, что он то же самое в стихах, что Марлинский в прозе <...> Вообще, должно заметить, что поэты, подобные Марлинскому и г. Бенедиктову, Языкову, Хомякову, очень полезны для эстетического развития общества, Эстетическое чувство развивается чрез сравнение и требует образцов даже уклонения искусства от настоящего пути, образцов ложного вкуса и, разумеется, образцов отличных» [1, т. VI, с.493-494]. Как пишет Ю.И. Минералов, «Белинский вынужден, <...> отвечая поклонникам творчества Марлинского и Бенедиктова (в то время весьма многочисленным) признать за обоими некую “гениальность” — которую он тут же, снижая смысл слова, с профессиональным мастерством подаёт как “внешний блеск” и “кажущуюся силу” [6, с. 80].

Своеобразным доказательством «необходимости» Бенедиктова становится размышление Белинского о герое лирики «неистового романтика» на примере стихотворения «Напоминание»: «...Нина, помнишь те мгновенья, / Или времени поток / В море холодного забвенья / Все заветное увлэк?» [2, с. 72]. Воспоминание лирического героя о Нине наряду со всеми произведениями Бенедиктова казалось Белинскому лишённым «музыки души и чувства» [1, т. VI, с. 496]: «...эта бессердечность, этот холодный блеск, при изысканности и неточности выражения, кажется истинною поэзией “львам” и “львицам” средней руки...» [1, т. VI, с. 495 — 496]. Как отмечает В.А. Осанкина, Белинский стремится подчеркнуть не только вульгарность и пошлость бенедиктовских персонажей, но и «мелочность, убогость их интересов, незнание жизни и реальный разлад с действительностью» [7, с. 10, 12]. В то же время фальшивость и «ложная величавость», по мнению рецензента, были присущи и почитателям стихотворца из «средних кружков бюрократического народонаселения Петербурга» [1, т. VI, с.494].

Показательно и высказывание о Бенедиктове в девятой статье В.Г. Белинского о сочинениях А.С. Пушкина: «Всего достолюбезнее

в идеальных девах уверенность их, что они понимают то, что читают, и что чтение приносит им большую пользу. Все они обожаельницы Пушкина, — что, однако ж, не мешает им отдавать должную справедливость и таланту г. Бенедиктова, иные из них с удовольствием читают даже Гоголя, что, однако ж, нисколько не мешает им восхищаться повестями гг. Марлинского и Полевого» [1, т. VII, с. 478]

С ещё большей жёсткостью Белинский осуждает подражания Бенедиктову со стороны молодых поэтов, таких как Е.Л. Милькеев и А. Градцев. Так, в рецензии на книгу последнего «Цветы музыки» Белинский с нескрываемым сожалением признаёт Бенедиктова лидером целой группы стихотворцев. «Все замашки музыки г. Градцева обличают в нём поэта романтического, из школы г. Бенедиктова» [1, т. V, с. 610]. Кроме того, несмотря на нарочитую отстраненность, суждения Белинского все же не были лишены личностного аспекта. Восприятие литературного оппонента как личного недруга было присуще натуре Белинского и осознавалось им самим. Однако и здесь взгляды критика были весьма неоднозначными. Об этом свидетельствует фраза из письма Белинского Н.А. Бакунину от 9 декабря 1841 года: Иногда мне бывает досадно на себя за эту тяжёлость и негибкость моей натуры; но что мне делать с собою: я рождён, чтобы называть вещи их настоящими именами; *я в мире боец...* (курсив автора. – А. К.) И за то меня искренно любят человек десять и ненавидят сотни людей...» [1, т. XII, с. 75-76]. Наряду с романтическим пафосом данное высказывание содержит цитату из раннего стихотворения Бенедиктова «Могила» (1836): «Я в мире боец; да, я биться хочу. / Смотрите: я бросил уж лиру; / Я меч захватил и открыто лечу / Навстречу нечистому миру» [2, с. 90].

Итак, рассмотренные в совокупности отзывы В.Г. Белинского о творчестве В.Г. Бенедиктова позволяют точно определить сущность литературного факта лирики «неистового романтика» через призму крити-

ческой концепции В.Г. Белинского в разные периоды его деятельности и с учётом «узловых» противоречий литературного процесса в России в 30-40-е годы XIX века, а выявленное «тайное сродство» обнаруживает неоднозначность творческой индивидуальности Белинского, тоже бывшего в молодости под сильным влиянием романтических настроений в литературе, и даже после начала карьеры критика и обращения к реализму не утратившего пылкости характера и потому названного Н.А. Некрасовым «неистовым Виссарионом». По сути, в оценках творчества Бенедиктова по «меркам» «натуральной школы» и с точки зрения соответствия произведения «русской истории, обычаям, языку» отразилась и эволюция взглядов Белинского, эстетическая мысль которого «вырасталась из опыта и наследия декабристской эстетики» [5, с. 160]. В то же время национальное своеобразие, присущее поэтическому стилю Бенедиктова наряду с эротизмом и «вычурами», свидетельствует о соответствии его произведений культурному стилю 1830—1840-х годов и актуальности их дальнейшего историко-литературного изучения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. В 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953-1959. (Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страниц).
2. Бенедиктов В.Г. Стихотворения / Сост., подгот. текста, примеч. Б.В. Мельгунова. Вступ. ст. Ф.Я. Приймы. – Л.: Советский писатель, 1983. – 815 с.
3. Карпенко Г.Ю. Трепет как эстетическая категория в творчестве В.Г. Белинского: онтология «художественного» (К 195-летию со дня рождения В.Г. Белинского) [Электронный ресурс] // Вестник Самарской гуманитарной академии. – Выпуск «Философия. Филология». – 2006. – № 1 (4). – С. 282-288: [сайт]. [2006]. URL: <http://www.phil63.ru/trepet-kak-esteticheskaya-kategoriya-v-tvorchestve-v-g-belinskogo>. (дата обращения: 26.11.2012).
4. Курилов А.С. Кольцов и Белинский // А.В. Кольцов и русская литература: Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Осьмаков. – М.: Наука, 1988. – С. 77-93.
5. Мезенцев П. Белинский и эстетические традиции декабристов // Русская литература. – 1965. – № 2. – С. 155-162.

6. Минералов Ю.И., Васильев С.А. Национальное как фактор художественности в русской литературе. — М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2010. — 184 с.
7. Осанкина В.А. Поэзия Владимира Бенедиктова в оценке В.Г. Белинского. — Челябинск: Челяб. гос. ин-т культуры, 1989. — 16 с.
8. Очерки истории русской литературной критики: в 4 т. — Т. 1. XVIII — первая четверть XIX в. — СПб: Наука, 1999. — 368 с.
9. Пилипчук Е. Д. Поэзия В.Г. Бенедиктова в историко-литературном процессе 30-70-х годов XIX века: дисс. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2003. — 247 с.
10. Рамазанова Г.Г. Поэзия В.Г. Бенедиктова в оценке московской и петербургской критики 1830-х годов // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия «Русская филология». — 2011. — № 2. — С. 112-116.
11. Чернышевский Н.Г. Собрание стихотворений В. Бенедиктова. Три тома // Чернышевский Н.Г. Литературная критика: в 2 т. Т. 2. — М.: Художественная литература, 1981. — С. 15-31.
12. Шевырёв С.П. Стихотворения Вл. Бенедиктова // Московский Наблюдатель. — 1835. — Ч. 3. — С. 439-459.
13. Штейнгольд А.М. Феномен Бенедиктова в критике Белинского // Сб. статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана / Отв. ред. А. Мальтс. — Тарту: Тартуский университет, 1992. — С. 264-273.
14. Berczinski T.S. V.G. Benediktov's literary debut : A different drum // Russian. literature triquarterly — Ann Arbor, 1990. — N 23. — P. 287-301.